

ГЛАВА VI

«ОТСУТСТВИЕ ВТОРОГО ФРОНТА ЛЬЕТ ВОДУ НА МЕЛЬНИЦУ НАШИХ ОБЩИХ ВРАГОВ»

Отгремели бои за Москву. Немецкие войска в ходе декабрьского контрнаступления Красной Армии были отброшены от столицы на важнейших направлениях на 60—120 км. В результате наступления войск Западного и Калининского фронтов в январе — марте 1942 г. линия фронта была отодвинута от Москвы еще на 80—100 км, в полосе Калининского фронта — на 150—250 км. Противник понес большие потери в живой силе и технике. Только с 16 ноября по 5 декабря потери немецко-фашистских войск составили 55 тыс. человек убитыми, свыше 100 тыс. человек ранеными и обмороженными. В ходе боев, проходивших с января по апрель 1942 г., потери немецко-фашистских войск в живой силе достигли 500 тыс. человек.

Разгром немцев под Москвой, казалось бы, открывал блестящие перспективы перед союзниками.

9 февраля 1942 г., сообщая о беседе со Сталиным американских генералов, состоявшейся в декабре 1941 г., посол США в СССР писал: «Общее впечатление было таково, что в Москве царит уверенность, высок моральный дух армии». В сообщении отмечалось: «...Убежденность Сталина подкреплялась трезвыми оценками, в личном разговоре он заявил, что в следующем году силы России настолько возрастут, а германская армия так потрясена, что он считает — к осени 1942 г. война, возможно, будет завершена»¹.

Это предвидение Сталина было его не первым неудачным прогнозом относительно сроков окончания войны.

7 ноября 1941 г., напутствуя участников знаменитого парада войск Московского гарнизона на Красной площади в Москве, он говорил, что пройдет полгода, годик — и гитлеровская Германия рухнет под тяжестью своих преступлений.

Сталин был очень осторожным человеком, особенно когда речь заходила о политических проблемах.

Трудно сказать, чем был вызван его неудачный военно-политический прогноз, сделанный 7 ноября 1941 г. Возможно, дело было в том, что под Москвой было катастрофическое положение, угрожавшее всему ходу войны, а следовательно, и существованию страны. Войска с парада шли прямо в бой, и, наверно, их надо было подбодрить перспективой относительно скорого разгрома противника.

Что касается заявления Сталина в декабре 1941 г. о возможности окончания войны в 1942 г., то Сталин в этом случае мыслил категориями военного руководителя, считая необходимым развить успехи Красной Армии мощным ударом по немецким войскам в Западной Европе.

Военная необходимость подобного решения была очевидна. Она разделялась и высшими военными руководителями союзников.

6 мая 1942 г. начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл в меморандуме «Тихоокеанский театр военных действий против “Болеро”» писал: «Мы считаем, что должны быть предприняты самые действенные меры, чтобы оттянуть немецкие силы с русского фронта. Мы полагаем, что этого можно добиться, нанеся удар объединенными английскими и американскими силами в Западной Европе»².

В этих условиях стала очевидна необходимость скорейшего открытия второго фронта в Европе.

11 апреля 1942 г. Рузвельт в послании Сталину писал, что он «хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта», и что «это можно сделать летом этого года, не откладывая». Президент пригласил в США советского наркома иностранных дел В.М. Молотова для согласования с ним вопросов об открытии второго фронта.

20 мая 1942 г. по пути в США Молотов сделал остановку в Лондоне. В ходе его переговоров с Черчиллем выяснилось, что английское правительство не намерено открывать второй фронт в 1942 г.

29 мая Молотов прибыл в Вашингтон. Во время переговоров с Рузвельтом и высшим военным руководством США советская сторона с большим трудом добилась включения в советско-американское коммюнике пункта о том, что «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»³.

Согласившись на включение в коммюнике точной даты открытия второго фронта в Европе, Рузвельт создал себе и Черчиллю сложнейшую проблему. Обещание не было выполнено, и надо было

объяснять Сталину причины этого. Впрочем, обещание давал Рузвельт, а неблагоприятную задачу — объясняться со Сталиным — пришлось выполнять Черчиллю.

Чем было вызвано такое разделение труда между Рузвельтом и Черчиллем?

Очевидно, в этом проявилась судьба младшего партнера, на долю которого всегда выпадает самая неприятная работа. А то, что в тандеме Рузвельт — Черчилль последний играл роль младшего партнера, было очевидно всем, в том числе и премьер-министру Великобритании.

Сыграло свою роль и то, что Черчилль больше и дольше контактировал со Сталиным путем переписки, лучше знал своего будущего партнера по переговорам. По складу своего характера, отличавшегося напористостью, мертвой хваткой, упрямством, Черчилль в несравненно большей степени, чем Рузвельт, подходил для предстоявшего неприятного объяснения с таким неординарным человеком, как Сталин.

Во всяком случае, на семейном совете Рузвельт — Черчилль было решено, что неблагоприятная задача объявить советскому руководителю о том, что второй фронт в 1942 году не будет открыт, выпала на долю английского лидера.

Тем временем исполнился год после начала Великой Отечественной войны Советского Союза. Эта дата была отмечена многочисленными митингами и собраниями в Англии, США, Канаде.

В сообщении ТАСС говорилось: «Участники митинга в Мэдисон-сквер (в Нью-Йорке. — *Р.И.*) 22 июня, посвященного годовщине гитлеровского нападения на Советский Союз, с энтузиазмом приняли приветственные телеграммы товарищу Сталину и защитникам Севастополя».

В телеграмме Сталину отмечалось: «Многолюдный митинг, созванный в честь годовщины героической борьбы доблестной Красной Армии, искренне отдаст должное вашему вдохновляющему руководству советским народом и приветствует возможность сплотить ряды вокруг ваших знамен, чтобы ускорить окончательный разгром фашизма»⁴.

Отсутствие второго фронта ставило западных руководителей в сложное положение в их отношениях со Сталиным. Затягивание сроков открытия второго фронта создавало и свои проблемы для Рузвельта и Черчилля в их странах, общественность которых решительно ставила вопрос о необходимости скорейшего открытия этого фронта. По мнению руководителей США и Великобритании, выход был найден в подготовке и реализации операции «Торч» («Факел») — высадка англо-американских войск в Северной Африке.

Осуществлена эта операция была в ноябре 1942 г. Сталин получил информацию от Черчилля о ее подготовке в августе того же года.

В августе 1942 г. Черчилль побывал с официальным визитом в Москве, где состоялась его встреча с советским руководителем. Премьер-министр Великобритании вспоминал: «В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции “Торч”. Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар».

Черчилля поразила быстрая и четкая реакция Сталина на предстоящую операцию. «Это замечательное заявление, — продолжал премьер-министр, — произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»⁵.

В переписке с Рузвельтом Черчилль в несколько ином плане оценивал реакцию Сталина на операцию «Факел». 15 августа 1942 г. премьер-министр писал президенту: «Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы (осуществляя высадку в Северной Африке. — *Р.И.*)...»⁶.

Операция «Факел» означала, что наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки. Но высадка в Северной Африке ни в коей мере не могла заменить второй фронт. И высоко оценивая эту операцию, Сталин тем не менее при встрече с Черчиллем в Москве вновь возвратился к проблеме второго фронта. В памятной записке, которую он вручил Черчиллю 13 августа 1942 г., говорилось: «Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 г. в Европе наносит моральный удар всей советской обществу, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования»⁷.

Обращает на себя внимание, что, будучи младшим партнером в англо-американском блоке, Черчилль несравненно более энергично боролся за срыв открытия второго фронта, чем Рузвельт.

Хотел ли премьер-министр быть католиком больше папы римского?

Скорее всего, позиция Черчилля определялась тем, что он больше, чем Рузвельт, был завязан на европейские проблемы. А именно

вокруг этих проблем развернется главная борьба в будущей холодной войне. И английский лидер, готовя свои стратегические позиции к грядущему столкновению с СССР, максимально стремился ослабить будущего противника, затягивая открытие второго фронта.

Приведенная выше оценка реакции Сталина на информацию Черчилля о предстоящей высадке союзников в Северной Африке давалась в мемуарах Черчилля, которые он писал в разгар холодной войны. Отсюда и такие формулировки, как «диктатор», когда Черчилль говорит о Сталине.

Интересно и показательно сравнить эти оценки Черчилля с его выступлением в палате общин сразу же после встречи с советским руководителем. Речь Черчилля, произнесенная им 9 сентября 1942 г., почти целиком была посвящена его встрече со Сталиным.

Черчилль сказал: «...Меня сопровождал (в Москву. — *Р.И.*) личный представитель Рузвельта Гарриман, который мог говорить от имени президента. Мы провели четыре дня в беседах со Сталиным, причем наши беседы продолжались по пять-шесть часов, и мы с исключительной тщательностью и серьезностью подвергли обсуждению все вопросы».

Достигнутые решения, сказал премьер-министр, должны оставаться в тайне. Я сообщил о них членам кабинета. Могу только сказать, что русские не считают, что мы или Америка сделали достаточно для того, чтобы облегчить их бремя, и это неудивительно, принимая во внимание ожесточенность натиска, который они выдерживают с исключительным упорством.

Черчилль сказал, что он убежден в том, что ему и Гарриману удалось вселить в вождей России чувство уверенности в лояльности и искреннюю решимость англичан и американцев прийти русским на помощь так быстро, как только возможно, не считаясь с жертвами и потерями, раз это нужно для достижения победы.

Как видно из выступления Черчилля, он в очень обтекаемой форме коснулся вопроса о втором фронте, обсуждавшегося во время его встречи со Сталиным. И объяснялось это не только и не столько соображениями военной тайны, сколько тем, что премьер-министр не мог сказать ничего вразумительного англичанам, почему он столь резко выступает против открытия второго фронта. Ему было невозможно даже в самой общей форме коснуться истинных причин своей позиции по проблеме, которая стала главным камнем преткновения в отношениях со Сталиным.

Выступая в палате общин, Черчилль говорил: «Встреча со Сталиным явилась событием, представляющим для меня большой интерес. Цель моего посещения состояла в том, чтобы установить от-

ношения полного доверия, подобно тому, как я установил их с Рузвельтом, и я думаю, что, несмотря на размеры Вавилонской башни, которая продолжает существовать как своего рода барьер, нам в значительной степени удалось этого достигнуть. Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе государства стоит этот великий, твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить».

Показательна оценка характера Сталина, которую давал Черчилль: «Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью, с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода».

Премьер был убежден, что он успешно выполнил свою миссию: «Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова».

Одно совершенно очевидно, продолжал Черчилль, — непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. «Сталин сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызвали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился».

Впервые с начала советско-германской войны Черчилль, выступая в палате общин, разразился таким настоящим панегириком в адрес Сталина.

На мой взгляд, это звучало как компенсация советскому руководителю за нежелание западных союзников вовремя открыть второй фронт в Европе.

Премьер-министр был глубоко прав, когда, обращаясь к членам палаты общин, говорил о том, что подлинное военное товарищество могут доказать «дела, а не слова».

Именно отсутствие «дела» было самым слабым местом партнеров Сталина по Большой тройке. Практические дела Черчилля и Рузвельта доказывали, что в главном вопросе — об открытии вто-

рого фронта, они еще долго будут ограничиваться только словами, не торопясь выполнять свое главное обязательство перед советским союзником.

Черчилль покидал Москву полный оптимизма: «Когда я летел назад в Каир над необозримыми горными хребтами и пустынями, — говорил он в палате общин, — я увозил с собой убеждение, что между Британской империей, Соединенными Штатами и Советским Союзом Гитлер выковал такой союз и содружество, которые достаточно сильны для того, чтобы повергнуть Гитлера на землю, и достаточно прочны, чтобы существовать до тех пор, пока не будут наказаны его злодеяния, и до тех пор, пока не будет ликвидирована хотя бы часть причиненного им зла».

Премьер-министр Великобритании был убежден в прочности союза со Сталиным и Рузвельтом: «Сейчас мы не одни, а среди мощного сообщества величайших в мире вождей и наций,двигающихся вместе вперед к завоеванию абсолютной победы до тех пор, пока она не только будет завоевана, но и поставлена на непоколебимые основы»⁸.

По вполне понятным причинам Черчилль не мог в своей речи в Палате общин в деталях рассказать о том, что ему пришлось в Москве выполнить крайне неприятную миссию — проинформировать Сталина о том, что обещание союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 г. не будет выполнено.

Накануне этого неприятного разговора Черчилля, наверное, морально поддерживало только то, что новый английский посол в Москве Керр информировал премьер-министра: «Следует помнить, что он (Сталин. — *Р.И.*) верит в Вашу добрую волю и, я думаю, готов принять от Вас больше, чем от кого-либо другого, даже такой тяжелый удар»⁹.

Мнение посла было существенно, но Черчилль и по переписке со Сталиным мог судить о том, что это жесткий, логически мыслящий партнер, который умеет держать свое слово и требует того же от своих собеседников, тем более связанных с ним союзническими отношениями.

Черчилль подробно рассказывал в мемуарах о том, как он сообщил Сталину, что обещание открыть в 1942 г. второй фронт не может быть реализовано.

«Я прибыл в Кремль, — вспоминал Черчилль, — и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения».

Черчилль писал: «Наше совещание продолжалось около четырех часов. Первые два часа были унылыми и мрачными».

Премьер-министр, очевидно, был неплохим психологом. Зная, что Сталин не любит при обсуждении серьезных проблем любые недомолвки и попытки уклониться от обсуждения вопросов по существу, Черчилль в самом начале беседы «взял быка за рога». «Я, — писал Черчилль, — сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил такую откровенность».

Ход Черчилля был оправдан. «Будучи сам закоренелым реалистом, Сталин особенно ценил в других людях именно реализм»¹⁰.

Английский гость мобилизовал все свое красноречие, чтобы убедить советского руководителя в том, что союзники не имеют материальных возможностей открыть второй фронт в согласованные сроки. Черчилль признавал, что выполнить эту задачу ему не удалось: «Наступило гнетущее молчание. В конце концов Сталин сказал... что не согласен с моими доводами»¹¹.

Для Черчилля личное знакомство со Сталиным произошло в очень сложных для него условиях. Шел август 1942 г. Немцы успешно развивали свое наступление на Сталинград и на Кавказском направлении, создав для Красной Армии не менее трудную ситуацию, чем во время битвы за Москву. И в этом труднейшем для СССР положении Черчилль 18 июня 1942 г. ввиду тяжелых потерь английских конвоев, направлявшихся в Мурманск, сообщил Сталину о прекращении западными союзниками военных поставок Советскому Союзу. Теперь Черчилль направлялся в Москву, чтобы сказать Сталину о том, что в 1942 г. второй фронт открыт не будет. Ситуация для премьер-министра сложилась очень неприятная. Пришлось мобилизовать все свое дипломатическое искусство, красноречие, чтобы сообщить Сталину о срыве сроков открытия второго фронта и одновременно заложить основу для будущих контактов с советским руководителем.

В целом эту сложную миссию английский премьер-министр выполнил.

Черчилль выступил со своей речью в палате общин 9 сентября 1942 г. Оставалось два месяца до начала операции «Факел», с которой он и Рузвельт связывали большие, не только военные, но и политические надежды.

Значение первой крупной наступательной операции западных союзников было действительно велико с политической и морально-психологической точки зрения, но Вашингтон и Лондон явно переоценивали ее военные последствия.

Иной была реакция на эту операцию простых англичан и американцев. Показательно, что их выступления за открытие второго фронта после высадки англо-американских войск в Северной Африке не только не уменьшились, но и возросли.

Позиция официального Лондона и Вашингтона была непоколебима: второй фронт открыт. Выступая, например, на мероприятии, проводимом Американским легионом, главнокомандующий флотом США, касаясь высадки союзников в Северной Африке, безапелляционно заявил: «Второй фронт открыт — широко открыт!»¹².

Срыв сроков открытия второго фронта создавал серьезные проблемы в отношениях между СССР и его союзниками. 23 декабря 1942 г. канзасская газета писала: «Иосиф Сталин и его соратники, несомненно, все еще не доверяют полностью ни одному из иностранцев». Газета отмечала, что за последнее время американские корреспонденты и военные атташе получили больше возможностей посещать фронт и промышленные предприятия. «Однако их наблюдения все еще остаются фрагментарными»¹³.

Американская газета была права. На протяжении всего почти 20-летнего периода руководства СССР Сталин, в значительной мере благодаря особенностям своего характера, нагнетал в стране подозрительность, шпиономанию. И как следствие этого, везде и во всем господствовала сверхсекретность.

Война дала новый стимул развитию этой тенденции. Однако союзнические отношения требовали нового подхода к данной проблеме. Но сказывалась инерция предвоенного периода, и борьба со сверхсекретностью в годы войны давала не очень позитивные результаты. На протяжении всего военного периода союзники неоднократно обращали внимание советской стороны, в том числе и лично Сталина, на то, что в СССР засекречивались многие вопросы, несмотря на то что это не вызывалось военной необходимостью. Традиционная советская сверхсекретность была одним из мотивов, который негативно воздействовал на развитие союзнических отношений между СССР и другими странами — участницами антигитлеровской коалиции.

Проблемы, вызванные затягиванием открытия второго фронта, были в центре внимания общественности и Англии, и США. Они обсуждались на официальных встречах всех уровней. И чем выше был уровень таких встреч, тем более остро стоял этот вопрос.

9 февраля 1942 г. в документе посольства США в СССР с пометкой «Сверхсекретно» подробно рассказывалось о беседе, состоявшейся в Москве в декабре 1941 г. с советским руководством, в которой участвовал Сталин, и о поездке американского генерала Мэсона Мак-

фарлейна на советско-германский фронт в январе 1942 г. «Сталина проинформировали, — говорилось в документе, — что после завершения операций союзников в Ливии на русский фронт будет послано 10 эскадрилий самолетов «Харрикейн», но в настоящее время нет возможности должным образом изменить ситуацию на Восточном фронте. Однако поставки танков и самолетов будут продолжены. Он (Сталин. — *Р.И.*) полностью согласился с нами, что мы не можем оказать помощь в таком виде, как мы обещали».

Трудно поверить в то, что Сталин в ходе этой встречи «полностью согласился» с тем, что союзники не готовы выполнить свои обязательства. Он никогда полностью не соглашался с этим во время своих встреч с Черчиллем и Рузвельтом. И вряд ли Сталин мог изменить свою позицию в беседе, состоявшейся на достаточно низком уровне.

Под Москвой шли тяжелейшие бои, от результатов которых зависел весь исход войны на советско-германском фронте, и естественно, что в самом начале беседы возник вопрос о втором фронте.

«Сталин, — говорилось в документе, — спросил о возможности открытия второго фронта в Европе. Мы ответили, что не сможем сделать этого в ближайшем будущем, но одна из задач кампании в Ливии заключается в том, чтобы захватить базы, с которых мы сможем нанести удар по Италии».

Больной для американцев вопрос о положении на Дальнем Востоке не мог быть обойден в ходе беседы, в которой участвовал советский руководитель. «Когда Сталина спросили, — говорилось в отчете, — как он расценивает ситуацию, если Россия окажется втянутой в войну на Дальнем Востоке, он ответил, что отнесется к этому без энтузиазма, но что войска, выведенные оттуда, будут заменены новыми формированиями и этот район окажется так же надежно защищен, как и раньше. Он убежден, что Япония нападет на СССР до наступления весны...»¹⁴

Очень интересная часть отчета о беседе со Сталиным!

В силу вполне понятных причин перспективы участия Советского Союза в войне с Японией волновали всю Америку — и правительственные структуры США, и простых граждан страны.

Эта проблема была исключительно важна и для СССР.

Положение Советского Союза усугублялось тем, что в тылу сражающейся Красной Армии, на Дальнем Востоке, нависла реальная угроза со стороны японской армии. 3 сентября 1941 г. Сталин писал Черчиллю: «Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский

Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск»¹⁵.

Информация американской дипломатической службы о том, что Сталин считал вполне вероятным нападение Японии на Советский Союз, подтверждалась и из английских источников. Министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, сообщая Черчиллю о своей встрече со Сталиным в декабре 1941 г., писал, что советский руководитель «считает вероятным» нападение Японии на СССР.

Был ли Сталин действительно уверен, что не позже весны 1942 г. Япония нападет на СССР, или он преднамеренно дезинформировал своих собеседников?

Если он был в этом уверен, то это была его вторая крупнейшая стратегическая ошибка на протяжении полугода, в течение которого решалась судьба страны.

Сначала Сталин был твердо убежден, что Гитлер не рискнет пойти на войну с Советским Союзом, не добившись разгрома Англии. За эту уверенность пришлось заплатить страшную цену.

Если Сталин искренне верил в неизбежность нападения Японии на СССР до весны 1942 г., то это был серьезный стратегический просчет, создававший сложнейшие проблемы для всего хода Второй мировой войны и в первую очередь, конечно, для Советского Союза.

Не исключена возможность, что Сталин выступил с таким заявлением, чтобы оказать давление на Черчилля и Рузвельта. Руководство США и Великобритании, часть общественности этих стран сомневались, выдержит ли Россия фактически один на один тяжелейшую войну с Германией, за которой стояла экономическая и военная мощь почти всей континентальной Европы.

Если же России угрожает еще и нападение со стороны Японии, то это может иметь для нее и всех ее союзников катастрофические последствия. Значит, в Вашингтоне и в Лондоне должны поторопиться с открытием второго фронта.

Впрочем, для Сталина не был характерен такой витиеватый подход к принципиальным проблемам. Он всегда предпочитал ставить такие проблемы открыто и резко. Тем более, когда был твердо убежден в правоте своей точки зрения.

А в вопросе о втором фронте его правота была бесспорна.

И как об этом свидетельствует переписка Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, протоколы Тегеранской конференции 1943 г., в вопросе об открытии второго фронта его позиция была прямой, четкой, предельно резкой. Бесконечные переносы сроков его открытия советский руководитель рассматривал как грубейшее нарушение союзниками своих обязательств перед СССР.

На крутых поворотах истории роль личности всегда огромна, что особенно важно в таких военно-политических конфликтах, как мировые войны.

Союзники рассматривали Сталина как полновластного диктатора. Например, 1 сентября 1943 г. военная разведка США в еженедельном обзоре положения в Советском Союзе, подготовленном для президента Рузвельта, отмечала: «Политическая власть в СССР замыкается на Иосифе Сталине. Очевидно, что во всей России только он и небольшая группа людей вокруг него знают полную картину силы и слабости страны. Сталинский режим имеет мощные позиции и может быть свергнут только вследствие полного (военного. — *Р.И.*) поражения»¹⁶.

Лондон также был прекрасно информирован, кто есть кто в Москве. «Встречи в Москве... убедили его (Черчилля. — *Р.И.*) в том, что у русских решения принимаются лично Сталиным»¹⁷.

С учетом огромных полномочий Сталина как военного, государственного, политического руководителя СССР союзники придавали важное значение информации о нем, особенно когда она поступала из первоисточника.

Это было характерно и для Англии, и для США. Черчилль своими впечатлениями о встрече со Сталиным поделился с членами палаты общин. И его выступление, как свидетельствовали отклики английской прессы, вызвало большой интерес в Великобритании. Получило оно отклики и в США. Сопровождавший Черчилля в его поездке в Москву А. Гарриман рассказал о беседах со Сталиным 10 сентября 1942 г. В этот день Комитет помощи России в войне (РУР) организовал обед, которым началась в США осенняя кампания по сбору средств в фонд помощи Советскому Союзу.

На обеде с большой речью выступил Гарриман, который сказал, что во время его последней поездки в Москву вместе с английским премьером он стремился провести сравнение с тем, что видел во время поездки в СССР в 1941 году.

«Я, — сказал Гарриман, — участвовал вместе с Черчиллем в прошлом месяце в длительных беседах со Сталиным, и снова на меня произвел большое впечатление прямой, ясный образ изложения Сталиным своей точки зрения на положение, которое он, как реалист, прекрасно понимает».

Я снова имел возможность, продолжал Гарриман, свободно беседовать с военными и гражданскими деятелями и собрать другим путем необходимую информацию. Как и в 1941 г., я и на этот раз видел всюду признаки той же самой решимости русского народа и его лидеров продолжать борьбу, несмотря на превосходящие силы противника.

Показательно, что на Гарримана, близкого к Рузвельту человека, во время его пребывания в Москве, как видно из его выступления, не распространилась традиционная советская сверхсекретность. То же самое было характерно позднее во время поездок в СССР руководителя торговой палаты США Э. Джонстона, вице-президента США Г. Уоллеса и других высокопоставленных представителей союзников.

Вопрос, что показывать зарубежным гостям столь высокого ранга, а что не показывать, как их принимать, решался при непосредственном участии Сталина.

И выступление Гарримана свидетельствовало о том, что советский руководитель был достаточно убежденным реалистом, чтобы отрешиться от своей традиционной подозрительности при приеме почетных гостей. Он прекрасно понимал, что с союзниками надо ладить и нельзя их оскорблять чрезмерной и необоснованной сверхсекретностью.

Показателен пример с Дуайтом Эйзенхауэром, когда по приглашению Г.К. Жукова он посетил в августе 1945 г. Советский Союз. Популярный американский генерал встретился со Сталиным и имел с ним длительную и доверительную беседу. Эйзенхауэр вспоминал в мемуарах, что ему было прямо заявлено, что нет такого места в СССР вплоть до Владивостока, которое он хотел бы посетить и в чем бы ему отказали.

Главное внимание в своем продолжительном выступлении 10 сентября 1942 г. Гарриман уделил Сталину и Черчиллю. «В прошлом месяце я участвовал в течение многих часов в обсуждении военных вопросов между Сталиным и Черчиллем — лидерами двух наших величайших союзников, — говорил Гарриман. — Сталин — сын грузинского сапожника, а Черчилль — потомок старинной, известной английской семьи, а его мать — американка. Трудно найти двух людей более различных по своему происхождению, каждый из них воспитывался в совершенно различной школе политической и экономической мысли. Однако в настоящее время оба они имеют одну и ту же цель — уничтожение тирании, угрожающей независимости их стран. Ни тот ни другой не откажутся от этой задачи. Оба они имеют жгучую ненависть к Гитлеру и ко всему тому, что он отстаивает. Эта ненависть заслоняет прошлое и создает базу для взаимного доверия».

Гарриман был прав, база для доверия между Сталиным и его партнерами по Большой тройке действительно была создана. Однако, несмотря на все усилия трех лидеров, преодолеть разделявшую их идеологическую и политическую пропасть не удалось. И как следствие этого, полного доверия между участниками Большой тройки установлено не было на протяжении всей войны.

В лице Сталина и Черчилля Гарриман видел мощных и надежных союзников США.

Гарриман говорил: «Мы имеем основания радоваться, что эти два человека нашли общую цель, цель общую с нашим президентом, общую со всеми нами. Я слышал, как эти два человека выражали своими собственными словами свою веру и надежду на президента Рузвельта и на США. Надежду на конечную победу, надежду на перестройку всего мира, которая обеспечит мир и счастье для всех народов. Мы имеем основания быть благодарными этим двум нациям, которые дали таких сильных и решительных вождей. Эти переговоры еще теснее объединили Сталина и Черчилля, еще теснее сплотили русский и английский народы и укрепили связи между нашими союзниками».

Профессиональный дипломат высочайшего класса, Аверелл Гарриман в своем выступлении перед откровенно просоветской аудиторией умело расставлял политические акценты. Он давал исключительно высокую оценку профессиональным и личным качествам Сталина, старательно избегал касаться спорных проблем межсоюзнических отношений.

Касаясь сообщений печати о разногласиях между Сталиным и Черчиллем, Гарриман сказал: «Черчилль заявил вчера всему миру, что Сталин и другие русские лидеры не понимают, почему мы не можем делать больше, чем мы делали до сих пор. Если это представляет собой расхождение, то тогда — это правда, которую вы слышали из уст Черчилля. Помимо этого, я могу заверить вас, что существует взаимное уважение. Я знаю из заявлений Сталина, и мы слышали публичное заявление Черчилля об этом, что русское правительство рассматривает англичан и нас как своих преданных союзников»¹⁸.

Гарриман был личным представителем президента Рузвельта, что в определенной мере накладывало отпечаток на его оценки Сталина и как руководителя СССР и, в определенной мере, как личность. Американцы хотели знать мнение о своем союзнике и от оппозиционных Рузвельту руководителей.

Это желание во многом было удовлетворено статьей соперника Рузвельта на президентских выборах 1940 г. республиканца У. Уиллки, опубликованной в октябре 1942 г. в журнале «Лайф».

Уиллки встретился со Сталиным в сентябре, завершив свою поездку по Ближнему Востоку. Американский гость подробно рассказал советскому руководителю о военно-политическом положении в этом регионе и обсудил с ним важнейшие военные, экономические и политические проблемы.

Касаясь своей беседы со Сталиным, Уиллки писал: «Мы оба чувствовали себя совершенно свободно во время беседы. С самого начала было ясно, что Сталин не рассматривал мою поездку как визит вежливости, — и она в действительности не была таковой, — а как возможность для откровенной душевной беседы о войне и проблемах, которые всегда стоят перед объединенными странами во время войны и мира».

Обращает на себя внимание общее в оценках Сталина Черчиллем, Гарриманом и Уиллки: «Сталин давал откровенные и исчерпывающие ответы на все многочисленные вопросы, которые я ему задавал. Он не оставил у меня никаких сомнений относительно силы и решимости русских оказывать немцам сопротивление на каждой высоте, на каждом мосту и каждой улице, пока объединенные страны не уничтожат гитлеровскую военную машину. Сталин убедительно призывал объединенные страны вложить всю свою энергию в военные усилия и сделать это самыми быстрыми темпами. Он заявил, что при наличии решимости теперешние препятствия, кажущиеся непреодолимыми, могут быть преодолены. В его красноречивой и искренней манере говорить была колоссальная сила убедительности. Несомненно, что это качество является одной из причин его величия».

Уиллки сказал Сталину, что он горит желанием возвратиться в Америку и рассказать всем о великой борьбе русских на фронте и в тылу, которую он видел. Уиллки отметил, что на него особое впечатление произвела работа женщин на заводах, в госпиталях, колхозах и на транспорте. В ответ на это Сталин заявил: «...Вы не будете возражать, если я сделаю одно предложение». Уиллки согласился. Сталин сказал: «Да, расскажите в Америке обо всем, что Вы видели здесь. Скажите американцам, если хотите, что нам нужно все, что производится на их огромных предприятиях. Мы будем за это весьма благодарны. Но мне хотелось бы, чтобы Вы поняли, в чем здесь дело. Не надо создавать у кого-либо впечатления, что Вы призываете американцев занять покровительственную позицию по отношению к нам». Я подумал, что это мудрые слова проницательного и осторожного человека.

С каждой новой минутой, писал Уиллки, я все более высоко оценивал способность Сталина к ясному и прямому образу мышления. Он никогда не вертелся вокруг какой-либо темы. А всегда попадал в точку так, что больше уже нечего было сказать. Когда он говорил, мы объяснялись через переводчика, он смотрел мне прямо в глаза. А когда я говорил, то Сталин внимательно прислушивался к каждому слову, хотя он не понимает английского языка. «Сталин на вид обладает замечательным здоровьем, несмотря на

то, что он, вероятно, много работает и несет на себе огромную ответственность, как никто в мире. Война сделала седыми часть его волос, которые еще остаются черными, но она еще больше закалила его сердце против фашистской тирании»¹⁹.

В статье Уиллки о встрече и беседе со Сталиным отмечалась откровенность, открытость всего разговора. Не было никакого намека на утаивание каких-либо проблем, на скрытность советского руководителя, его нежелание обсуждать острые проблемы, на ограничение инициативы американского собеседника на предмет познания самых различных сторон жизни Советского Союза, военных усилий страны.

Несомненно, что столь яркие, убедительные, положительные оценки Сталина, с которыми выступали такие авторитетные деятели, как Черчилль, Гарриман, Уиллки, во многом способствовали укреплению доверия к советскому руководителю, к СССР в самых широких кругах общественности союзных стран.

Сталин был исключительно занятым человеком. В Советском Союзе традиционно сложилась сверхцентрализация, все важнейшие вопросы жизни страны замыкались на Сталина. Во время войны эта тенденция советской жизни неизмеримо возросла. Новые обязанности, возложенные на Сталина в канун и во время войны — Председатель СНК, Председатель ГКО, нарком обороны, Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР, поглощали все его время. Было удивительно, как можно выполнять одному человеку такой огромный объем работы, а архивные документы свидетельствуют о том, что Сталин не относился формально к работе ни одного ведомства, которое он возглавлял.

И тем не менее его беседы с известными зарубежными деятелями в годы войны продолжались часами. Он всегда находил время для таких встреч и обмена мнениями со своими собеседниками.

Советский руководитель прекрасно понимал, что подобные контакты позволяют выйти на многомиллионные массы в союзных и дружественных странах, что способствует решению важнейшей задачи — сплочению антигитлеровской коалиции.

Сталин не баловал вниманием иностранных, да и советских журналистов. Первое интервью, данное им корреспонденту, состоялось 3 октября 1942 г. Это были письменные ответы на три вопроса корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кассиди.

Как всегда, Сталин был предельно лаконичен — четыре предложения в ответ на три вопроса. Суть ответов сводилась к одному — необходимо «полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств». И только на последний вопрос: «Какова еще советская спо-

способность к сопротивлению?» — Сталин ответил более подробно, заявив, что «советская способность к сопротивлению... ничуть не ниже, — если не выше, — способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство»²⁰.

Закономерно возникает вопрос: если Сталин часами беседовал с известными государственными, политическими, дипломатическими деятелями зарубежных стран, то почему он редко встречался и был предельно лаконичен в интервью с зарубежными корреспондентами? Ведь с точки зрения влияния на настроение общественности пресса имеет не меньшее значение, чем известные государственные и политические деятели.

Представляется, что Сталин был убежден, и не без оснований, что интервью должно быть четким, ясным и кратким. Только тогда оно достигнет своей цели.

Очевидно, встречи с руководящими государственными и политическими деятелями, с дипломатами и доверенными лицами Рузвельта и Черчилля представляли для Сталина и практический интерес. Через эти каналы можно было укреплять межгосударственные отношения, что имеет первостепенное значение для успешного функционирования военно-политических союзов.

И наконец, известные государственные, политические и прочие деятели, как правило, незаурядные личности. В беседах с ними можно почерпнуть важную и полезную информацию. С ними просто-напросто интересно общаться.

А Сталин был человек широкого кругозора, проявлявший интерес к самым различным сферам жизни, к областям познания.

Первые ответы Сталина на вопросы зарубежного корреспондента прозвучали как сенсация и вызвали многочисленные отклики за рубежом.

В сообщении ТАСС из Лондона от 6 октября 1942 г. говорилось, что английские газеты широко публикуют ответы И.В. Сталина на вопросы корреспондента Ассошиэйтед Пресс. Газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» опубликовала текст ответов на первой странице под заголовком «Сталин требует полной и своевременной помощи союзников. Второй фронт имеет первостепенное значение». В газете «Ньюс кроникл» ответы И.В. Сталина были помещены под заголовком «Сталин говорит: второй фронт имеет первостепенное значение». Заголовок, данный газетой «Дейли экспресс», гласил: «Сталин критикует помощь, оказываемую союзниками. Требуется только одно: выполните ваши обязательства полностью и своевременно. До сих пор помощь была малоэффективной». В газете «Таймс» текст ответов Сталина был дан под общим заголовком «Облегчить бремя России».

Американские газеты опубликовали ответы И.В. Сталина на вопросы Кассиди на первых страницах. Соответствующая информация была передана также по радио всеми крупнейшими американскими агентствами и радиокомпаниями. Известная американская журналистка Дороти Томпсон в своих комментариях по радио указывала, что советский руководитель понимает значение коалиционной войны, и Советский Союз искренне стремится к такой войне, он требует, чтобы союзники полностью и своевременно выполнили свои обязательства.

Сталин впервые публично и в столь резкой форме поставил вопрос о необходимости скорейшего выполнения союзниками взятых на себя обязательств по открытию второго фронта. Это был прямой упрек руководителям Великобритании и США, что немедленно вызвало соответствующую реакцию.

6 октября 1942 г. ТАСС передал из Лондона: агентство Рейтер сообщило, что в палате общин Черчиллю был задан вопрос: сделает ли правительство какое-либо заявление по поводу ответов Сталина на вопросы американского журналиста о необходимости открытия второго фронта? Черчилль ответил: «Нам совершенно ясно, что в данный момент от английского правительства не требуется никаких заявлений помимо тех, которые уже сделаны». Движение за открытие второго фронта набирало в Англии мощную силу, и лейборист Бевин не преминул спросить премьера: «Разве не факт, что рабочие по всей Англии обсуждают то, что подразумевает заявление Сталина?»²¹

Ответы Сталина на вопросы Кассиди поставили в сложное положение и Черчилля, и Рузвельта. От американской стороны благодарная задача отвечать на обвинение Сталина в срыве сроков открытия второго фронта выпала на долю заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. Он ограничился заявлением о том, что «США оказывают величайшую помощь (СССР. — *Р.И.*), какая в человеческих возможностях»²². О втором фронте, так же, как и в выступлении Черчилля, не было сказано ни слова.

Не было ничего удивительного в том, что ни английская, ни американская сторона не ответили на прямой и открытый упрек Сталина в том, что Англия и США срывают согласованные сроки открытия второго фронта.

Им просто-напросто нечего было ответить на такое обвинение. А втягиваться в открытую дискуссию со Сталиным по этой жгучей проблеме, без каких-либо шансов выиграть такую дискуссию, было нецелесообразно.

К моменту своих ответов на вопросы Кассиди Сталин уже использовал все формы давления на Черчилля и Рузвельта, добиваясь открытия второго фронта. Не получив необходимого результа-

та, он предпринял акцию, которую до него совершали уже лидеры многих революций: через голову правительств обратился непосредственно к народам союзных стран.

Оживленные отклики за рубежом на ответы Сталина на вопросы Кассиди свидетельствовали о том, что советский руководитель добился этим значительного пропагандистского эффекта. Но не больше. Проблема второго фронта оставалась замороженной еще более полутора лет.

Англо-американские союзники последовательно продолжали придерживаться курса на обескровливание советского союзника в войне с Германией.

Показательно, что в зарубежных комментариях на ответы Сталина на вопросы американского корреспондента Кассиди были допущены и прямые искажения. Так, в Турции Анатолийское агентство, рассылавшее информацию всем газетам страны, опубликовало только два ответа из трех, данных Сталиным. Причем опущен был главный вопрос — о втором фронте²³.

За рубежом внимательно следили за каждым публичным словом Сталина. И когда 6 ноября 1942 г. он выступил в Москве с докладом о 25-й годовщине Октябрьской революции, комментарии в зарубежных странах на эту речь были повсеместными и очень детальными. Интерес к докладу Сталина был тем большим, что приближалась кульминация Сталинградской битвы — самого крупного сражения Второй мировой войны. Битве, которой суждено было стать поворотным пунктом во всем ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом.

9 ноября 1942 г. английская газета «Манчестер гардиан» в передовой, посвященной докладу Сталина, писала, что этот доклад явился событием большой важности и дал исчерпывающий ответ на все сомнения относительно успеха Объединенных Наций в деле сплочения своих сил. Сталин ответил пессимистам, которые считают, что союзники не обладают умением и опытом, необходимыми для использования своих ресурсов в войне. Газета отмечала, что Сталин «ободряюще и откровенно говорил об отношениях между союзниками. Он осудил мнение, будто идеологические различия делают сотрудничество невозможным, и заявил, что взаимопонимание между Объединенными Нациями переросло в прочный боевой союз. Сталин охарактеризовал договор, подписанный в Лондоне в мае текущего года, как «исторический поворот в отношениях между нашей страной и Англией», а о визите Черчилля заявил, что он завершился полным взаимопониманием. Эти слова воодушевляют и вызовут немедленный отклик в Англии».

Большой интерес, писала далее газета, проявляется к заявлению Сталина о германских военных планах прошлым летом. «Провал германских планов, — указывала газета, — является результатом блестящих боевых качеств сталинской России. Необходимо отметить, что Сталин правильно и сдержанно говорил о втором фронте, который будет открыт «не только потому, что он нужен нам, но и, прежде всего потому, что он не менее нужен нашим союзникам, чем нам». Это — здоровое обоснование. Союзникам необходимо разделить германские силы на части и помешать их сосредоточению на Востоке с тем, чтобы обладать как на Западе, так и на Востоке превосходящими силами. Это, — как говорит Сталин, — неизбежно должно произойти»²⁴.

Доклад Сталина вызвал в Англии огромный интерес. Вскоре по окончании доклада подробное его изложение начало передаваться по лондонскому радио. Поздно вечером 6 ноября, утром 7 ноября все английские радиостанции передавали полный текст доклада И.В. Сталина на английском, французском, чешском, норвежском, немецком, испанском, итальянском и других языках.

Английское радио передало доклад Сталина на важнейших европейских языках не потому, что хотело сделать паблисити советскому руководителю. Доклад имел важнейшее значение не только для Советского Союза, но и для всей антигитлеровской коалиции. С содержанием этого документа стремились ознакомиться все народы. И удовлетворяя этот повышенный интерес к выступлению советского руководителя, английское радио поспешило оперативно озвучить его на важнейших языках.

Все утренние газеты 7 ноября на видном месте опубликовали подробное изложение доклада Сталина, особенно выделяя его заявление о крушении германских планов в 1942 году, о прочности антигитлеровской коалиции и перспективах открытия второго фронта.

Дипломатический обозреватель агентства Рейтер писал: «Речь Сталина — это речь сильного человека, уверенного в себе, уверенного в своей армии, уверенного в рабочих, уверенного в окончательной победе. Это не хвастливая, озлобленная и взволнованная речь. Он сделал откровенный и реалистический обзор положения и если выразил разочарование по поводу задержки открытия второго фронта, то его чувства легко объяснить... Сталин выразил уверенность в том, что второй фронт будет рано или поздно открыт, а также убеждение в том, что действия антигитлеровской коалиции в конечном счете завершатся победой».

Сталин, писал обозреватель, провозгласил три великие цели: уничтожить гитлеровскую Германию, ее армию и «новый порядок».

Эти цели будут искренне подхвачены каждым, ставшим в ряды противников держав оси. Сталин не за уничтожение Германии, он лишь за уничтожение гитлеровской Германии. «Вся его речь проникнута решимостью, мужеством и уверенностью. Сталин имеет основание гордиться своим народом и чудесами его доблести и выносливости. Русские приняли вызов гитлеровских орд и одержали успех. Их испытания велики, но их героизм все преодолеет».

Обращало на себя внимание то, что в докладе Сталина были четко и ясно сформулированы цели антигитлеровской коалиции, близкие и понятные каждому простому человеку. В данном случае убедительно проявилась способность Сталина просто, понятно, емко формулировать сложнейшие политические и военные проблемы.

На эту сторону доклада советского руководителя обратили внимание по обе стороны Атлантики. И, безусловно, такие комментарии на доклад Сталина способствовали дальнейшему росту его авторитета в странах — участницах антигитлеровской коалиции.

Газета «Таймс» в передовой писала: «Возможно, что 7 ноября 1942 года когда-нибудь будут вспоминать как веху, отмечающую начало решительного перехода стратегии Объединенных Наций от обороны к наступлению». Газета подчеркивала указание Сталина на укрепление англо-советской дружбы и писала, что упреки в задержке открытия военных действий в Западной Европе в 1942 г., открыто отразившиеся в докладе Сталина, можно понять, как бы ни были вески основания для этой задержки.

Газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» в передовой писала: «В тех случаях, когда Сталин выступает с открытым заявлением, он всегда высказывается искренне и чистосердечно. В его вчерашней речи можно выделить две особенности, одной из которых была сердечность его отзыва об англо-советско-американской коалиции. Он решительно заявил о единстве цели, объединяющем три нации, об их способности разбить врага и решимости мобилизовать все ресурсы для осуществления этой цели. Он особенно подчеркнул визит Черчилля, в результате которого было достигнуто полное понимание между Советским Союзом и Англией».

С другой стороны, продолжала газета, и это вторая замечательная черта вчерашней речи — он снова не скрыл своего разочарования в связи с тем, что второй фронт в Европе не был открыт в этом году. В заключение газета заявляла: «Сталин может быть уверен в том, что открытие второго фронта не задержится ни на один момент сверх необходимого подготовительного периода»²⁵.

Газета «Дейли экспресс» писала в передовой статье: «Мы воздаем должное нашим русским союзникам, которые, ведя крово-

пролитные бои, полные твердой решимости празднуют 25-ю годовщину своего нового строя. Мы можем оценить по достоинству горячую, энергичную речь их военного вождя Сталина, в которой он справедливо восхваляет огромные усилия своих соотечественников. Германия получила первый удар, натолкнувшись на русскую скалу. Кончились для немцев дни легких завоеваний...»

Газета «Стар» в передовой статье подчеркивала уверенный тон Сталина. Касаясь раздела доклада, посвященного вопросу о втором фронте, газета отмечала, что Сталин иначе и не мог сказать. «Никто из нас, — писала газета, — не должен жаловаться на это. Его заявление было практическим и лишенным всяких неприязненных чувств. Сталин подтвердил наличие полного взаимопонимания с Черчиллем по поводу англо-советских отношений. Этот факт развеивает в прах всякие слухи на этот счет».

Газета «Йоркшир пост» в передовой статье писала: «Ясная речь Сталина должна рассеять опасения относительно разлада среди руководителей союзных стран. Совершенно естественно и правильно подчеркнув значение второго фронта в Европе... Сталин подтвердил самым энергичным образом, что он достиг полного взаимопонимания с Черчиллем по поводу англо-советских взаимоотношений».

Доклад Сталина занял также видное место и в выступлениях лондонских радиокомментаторов. Радиообозреватель Джонстон заявил, что на Московском совещании между Черчиллем и Сталиным было достигнуто полное взаимопонимание. Ответы Сталина на вопросы американского корреспондента в свое время были намеренно использованы некоторыми людьми для распространения злостных слухов об отсутствии взаимопонимания между вождями этих двух великих стран. Речь Сталина опровергла эти слухи²⁶.

9 ноября 1942 г. ТАСС сообщал из Лондона, что английская воскресная печать уделяет докладу Сталина первостепенное внимание.

Известный журналист Гарвин писал в газете «Санди экспресс»: «Сталин является той великой движущей силой, которая вдохновляет русский народ в мирный период и в период борьбы с врагом. Его величественная речь является откровенной и мудрой в отношении западных держав и непримиримой в отношении общего врага».

Газета «Обсервер» писала, что речь Сталина была строго реалистичной. «Он не скрыл, — заявляла газета, — ни различия точек зрения относительно срока открытия второго фронта, ни различия систем, отделяющего Советскую Россию от западных демократий. Однако он подчеркнул, что все эти различия будут преодолены общими, неразрывными интересами, связывающими Россию с ее западными союзниками»²⁷.

Отклики в Англии на доклад Сталина были самые многочисленные, детальные и доброжелательные. И это вполне естественно. Соединенные Штаты находились за океаном, и европейские проблемы их интересовали и волновали постольку, поскольку в результате войны они выходили на передовые мировые рубежи. Европа для них была пусть очень важным, но только одним из этих рубежей, базируясь на которые они намеревались превратить XX век в век американского господства в мировом масштабе.

К сожалению, это намерение в конце века стало жизненной реальностью. К сожалению, потому что опыт истории свидетельствует о том, что господство одной державы никогда не приносило другим странам и народам материального и духовного благополучия, мира, спокойствия и взаимопонимания.

Англия — европейская держава. Она первой из демократических государств вступила во Вторую мировую войну. От результатов этой войны англичане ожидали таких сдвигов в европейской и мировой политике, которые будут иметь для них жизненно важное значение.

В докладе Сталина были поставлены глобальные проблемы хода войны, рассмотрены перспективы послевоенного устройства Европы и мира. Все это живо интересовало подавляющее большинство англичан вне зависимости от их материального положения и политической ориентации.

Вот почему доклад Сталина вызвал столь оживленные отклики в Англии и во всей Великобритании.

Крупнейшие радиостанции США прервали свои обычные трансляции для передачи информации об этом докладе.

8 ноября 1942 г. ТАСС сообщал из Нью-Йорка, что американские газеты опубликовали на первых страницах под крупными заголовками доклад Сталина, особенно выделяя ту его часть, которая касалась вопроса о втором фронте. Газета «Нью-Йорк таймс» поместила доклад под заголовком «Сталин заявляет, что второй фронт будет создан». Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» дала заголовок «Сталин заявляет, что союзники откроют второй фронт». Газета «Нью-Йорк таймс» поместила полный текст доклада.

Комментируя доклад, газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» указывали на свое согласие с заявлением Сталина о том, что второй фронт в конце концов будет создан, потому что он необходим не только для России, но и для Англии и США.

Газета «Нью-Йорк таймс» указывала, что «защитники Сталинграда не понимают нежелания США и Англии рисковать, приняв вторжение на континент. Для США, — писала газета, — нет необходимости выражать недовольство такой точкой зрения».

Мы думаем, продолжала газета, что весь демократический мир, отбросив расхождения во мнениях относительно стратегии, охотно скажет Сталину и его народу, что Россия никогда на протяжении всей истории и, без сомнения, никогда за последние четверть века не пользовалась таким высоким уважением и восхищением со стороны свободных наций, как в настоящее время. «Русские являются нашими товарищами в этой борьбе. Пример Сталинграда будет вдохновлять наших солдат, когда они, возможно в ближайшее время, вступят в бой с основными массами врага²⁸.

11 ноября 1942 г. газета «Крисчен сайенс монитор» писала, что доклад Сталина «чрезвычайно прояснил отношения между объединенными странами и будет содействовать укреплению сотрудничества между Москвой, Лондоном и Вашингтоном».

По мнению газеты «Вашингтон пост», доклад свидетельствовал о тесном сотрудничестве между СССР, США и Англией. Подозрения, характеризовавшие в течение длительного периода отношения между СССР, Англией и США, исчезают «в пламени войны». Огромная роль СССР в борьбе за обеспечение победы над общим врагом вызвала восхищение и благодарность всего мира. Газета отмечала, что «тактические разногласия до сих пор существуют, особенно по вопросу о времени и месте открытия второго фронта». Однако решающим фактом является то, что «русские, англичане, американцы и народы других объединенных стран участвуют в общей борьбе». Газета подчеркивала, что большое значение имеет также сформулированная Сталиным программа советско-англо-американской коалиции²⁹.

Комментарии в США на доклад Сталина были не столь многочисленны и позитивны, как в Англии. Объяснение этому, помимо указанного выше, было и в том, что основным фронтом для американских вооруженных сил по-прежнему оставался Тихоокеанский регион. А советский руководитель, в силу вполне понятных причин, не уделял какого-либо внимания этому фронту Второй мировой войны.

Все турецкие газеты опубликовали на первых страницах изложение доклада. Большинство газет поместило также портрет Сталина.

Газета «Тан» напечатала доклад под заголовком: «Сталин сказал, что второй фронт рано или поздно будет открыт. Судя по заявлению советского премьера, если бы этот фронт был открыт раньше, то нынешним летом германские армии были бы уже близки к поражению». Заголовок газеты «Икдам» гласил: «Сталин сказал, что второй фронт, безусловно, будет открыт, и всесторонне осветил военные цели обеих сторон»³⁰.

Комментируя доклад Сталина, газета «Тан» 12 ноября 1942 г. писала: «Главное место в этой важной речи занимает вопрос о втором фронте в Европе... Особого внимания заслуживают слова Сталина о том, что тесное сотрудничество между тремя великими державами будет существовать не только во время войны, но и в мирный период».

Газета «Журналь д'Ориан» опубликовала статью Карасу, который писал: «Доклад Сталина лишней раз напомнил союзникам о необходимости создания второго фронта, причем именно в Европе, а не где-нибудь еще».

Далее автор отмечал: «Читая эту речь, хочется поблагодарить Сталина за то, что он ничего не преувеличил, за то, что он не злоупотребил тем, что его будут слушать во всем мире. Он трезво, простым языком рассказывает, как протекала война в России последним летом»³¹.

В годы Второй мировой войны политика Турции была как флюгер: она резко менялась в зависимости, в первую очередь, от ситуации на советско-германском фронте, на фронтах Второй мировой войны в целом.

Доклад Сталина был опубликован в канун решающего поворота в Сталинградской битве, когда во многом было уже очевидно поражение вермахта в этом крупномасштабном сражении Второй мировой войны.

Именно этим объяснялась позитивная реакция турецкой прессы на доклад советского руководителя.

12 ноября 1942 г. ТАСС сообщал из Тегерана, что газета «Мардом» опубликовала передовую, посвященную докладу Сталина. Газета писала, что «доклад произвел прекрасное впечатление. Этот великий политический деятель, как всегда, с исчерпывающей ясностью обрисовал политическое и военное положение и наметил твердую генеральную и политическую линию в поведении СССР. Своей изумительной речью Сталин доказал, насколько далеки от истины попытки пропаганды держав оси доказать отсутствие единства и наличие разногласий между союзниками».

Касаясь заявления Сталина о целях СССР и союзников в войне, газета писала: «Уже не раз советские вожди заявляли о том, что СССР защищает политическую и экономическую свободу всех народов, но подтверждение этого взгляда из уст такого человека, как Сталин, известного своей твердостью, полностью гарантирует независимость и истинную свободу Ирану». Иранский народ, который освобожден Октябрьской революцией от гнета царизма и который при моральной и материальной поддержке со стороны

СССР сделал первые шаги для достижения своей независимости, горячо приветствует речь вождя советского народа. Он надеется, что с помощью своего доблестного союзника завоюет полную свободу, раз и навсегда избавится от возможности возврата того режима, который всегда препятствовал дружественному сближению СССР и Ирана.

Уверенность в победе фронта свободы, уверенность в разгроме фашизма, выраженная в докладе Сталина, является самой радостной вестью для всех свободолюбивых народов³².

Позитивная реакция на доклад Сталина в Иране была легко объяснима. Иранские газеты обоснованно отмечали, что упрочение подлинной независимости страны было следствием Октябрьской революции в России. Это обеспечило позитивное отношение широких слоев общественности страны к Советскому Союзу. Вступление советских и английских войск на территорию Ирана в августе 1941 г. в значительной мере упрочило позиции тех кругов Ирана, которые занимали антигитлеровскую позицию.

23 октября Сталин ответил на вопросы американского корреспондента Кассиди, 6 ноября он выступил с докладом о 25-й годовщине Октябрьской революции.

В сообщении ТАСС из Вашингтона от 10 ноября 1942 г. сообщалось о пресс-конференции Рузвельта.

Только что успешно завершилась высадка союзников в Северной Африке, и естественно, что важнейшее внимание Рузвельт уделит англо-американской операции. Президент не сказал об этом прямо, но можно было сделать вывод, что он отождествляет высадку в Северной Африке с открытием второго фронта.

«В конце августа, — говорил президент, — англичане и американцы установили примерную дату начала операции. После этого пришлось хранить молчание и терпеть критику, в то время как неинформированные люди требовали немедленного открытия второго фронта».

Далее Рузвельт заявил, что еще много месяцев назад стало ясно, что ни Рузвельт, ни Черчилль не могут зайти в магазины и купить готовый второй фронт. Пришлось решать вопрос о материале, предназначенном для использования, о размерах и характере операций, а затем уже взять этот материал и отправиться с ним к искусному портному для того, чтобы раскроить его по мерке. Изготовление такого платья потребовало многих месяцев длительных приготовлений для того, чтобы обеспечить резонную возможность успеха³³.

Общественность США и Великобритании хотела знать мнение не только Рузвельта о первой крупной военной операции союзни-

ков против Германии. Прошло почти полтора года после нападения Германии на Советский Союз, и, наконец, Англия и США нанесли первый удар по Германии.

Каково мнение Сталина об этой операции? Из ответа на данный вопрос можно было получить наглядное представление о степени эффективности тройственного союза — СССР, США, Великобритании. Это был вопрос, который волновал всю общественность союзных стран.

Доклад Сталина о 25-й годовщине Октябрьской революции, вызвавший столь оживленные комментарии во всем мире, стимулировал рост интереса самых широких слоев общественности зарубежных стран к Советскому Союзу, к его борьбе с фашистской Германией, к роли Сталина в руководстве этой борьбой.

Проявлением этого интереса явились три новых вопроса, с которыми 12 ноября 1942 г. обратился к Сталину корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кассиди.

Тот факт, что и на этот раз Сталин отвечал на вопросы американского, а не английского корреспондента, свидетельствовал о том, что советский руководитель придавал особое значение союзническим отношениям с Соединенными Штатами.

Естественно, что Кассиди интересовало мнение Сталина о только что успешно осуществленной высадке союзников в Северной Африке.

Сталин ответил журналисту на следующий день, 13 ноября. Он оценил эту операцию «как выдающийся факт большой важности». Отметил, что пока еще «рано говорить о степени эффективности этой кампании в смысле уменьшения непосредственного давления на Советский Союз». Сталин заверил журналиста в том, что и впредь «Красная Армия выполнит с честью свою задачу»³⁴.

Оценка Сталиным первой крупной наступательной операции союзников имела важное политическое значение. И его ответы на вопросы Кассиди вызвали большой интерес в союзных и дружественных странах.

13 ноября 1947 г. ТАСС сообщил из Лондона, что, комментируя интервью, газета «Санди таймс» писала: «Сталин не замедлил ответить (Кассиди. — Р.И.) и во всеуслышание признать огромный вклад, который сделан в общее дело высадкой американских и английских войск в Северной Африке».

Другая популярная газета «Обсервер» отмечала в передовой статье: «Сталин открыто и великодушно оценил прекрасную организацию двойного удара, который открывает путь к окончательной

победе союзников». Одновременно газета предостерегала против поспешных выводов о том, что Европа может быть полностью освобождена в результате операций в Африке.

Комментируя ответы Сталина, Гарвин в газете «Санди экспресс» останавливался на вопросе о втором фронте в Европе. «Предсказание Сталина, — писал Гарвин, — остается в силе, и Черчилль согласился с ним. До конца года Англия и Америка в своих собственных интересах должны будут дополнить начатое ими крупное наступление в Африке ударом в сердце гитлеризма в Европе. Мы должны открыть второй фронт. Где бы теперь находились западные демократии без Советского Союза?»³⁵

Американцы поставили значительную часть вооруженных сил и военной техники союзников, высадившихся в Северной Африке. Операцией командовал генерал США Дуайт Эйзенхауэр. И естественно, что именно их особенно интересовало отношение Сталина к этой операции.

15 ноября 1942 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала, что «Сталин наиболее сжато и точно характеризовал положительные стороны африканской операции. Ответы Сталина корреспонденту Ассошиэйтед Пресс свидетельствуют о том, что Россия получила новую веру в намерения и способности их западных союзников. Взаимное доверие необходимо для всякой успешной коалиции».

Газета далее писала: «Сталин в своих ответах касался, в частности, организационных способностей англичан и американцев. Ни одна из объединенных стран еще не проявила таких организационных способностей, как Россия. Поэтому такая похвала со стороны лидера России является похвалой понимающего человека»³⁶. Американский журналист Джеймс Браун писал, что «ответы Сталина свидетельствуют о том, что он одобряет вторжение, но его похвала была сдержанной». В статье говорилось, что «по мнению советского лидера, кампания в Северной Африке окажет минимальное воздействие на ход событий на советско-германском фронте»³⁷.

Комментируя ответы Сталина на вопросы Кассиди, демократическая печать отмечала, что советский руководитель не видел оснований высоко оценивать значение высадки союзников в Северной Африке для уменьшения германского давления на советско-германском фронте. Проблема второго фронта, по мнению Сталина, все еще оставалась открытой.

Турция, как уже указывалось, вела сложную политическую игру, выжидая, кто возьмет верх в гигантской борьбе, развернувшейся

на фронтах Второй мировой войны. Руководители страны считали, что Турция должна встать на сторону тех, кто будет выигрывать в этой борьбе. В стране действовала мощная германская агентура, оказывавшая большое влияние на выбор политической ориентации правящими кругами страны. Действовала эта агентура достаточно успешно, и была информация, что Турция готовилась выступить на стороне Германии в случае падения Москвы.

И наблюдалась характерная закономерность — позиция турецкой прессы четко менялась в зависимости от того, к кому обращалось лицом переменчивое военное счастье.

Ответы Сталина американскому корреспонденту Кассиди 13 ноября 1942 г. были заметным политическим явлением. Они касались оценки успешной англо-американской операции, и комментарии турецкой печати на эти ответы были явно позитивные.

14 ноября 1942 г. из Стамбула сообщали, что все газеты опубликовали на видном месте под крупными заголовками ответы Сталина на вопросы корреспондента Ассошиэйтед Пресс. Газета «Акшам» сообщала об этих ответах под заголовком «Новое заявление Сталина. Наступление в Северной Африке является признаком успехов союзников и ускоряет распад итало-германского союза». Газета «Хабер» публиковала ответы Сталина под заголовком «Сталин говорит, что десант в Северной Африке демонстрирует военную мощь союзников. Это наступление открывает перспективы распада итало-германского союза». Газета поместила портрет Сталина. Газеты «Сон пота» и «Сон тельграф» также подчеркивали в заголовках слова Сталина о перспективе распада в ближайшее время итало-немецкой коалиции^{38–39}.

Мощный удар, нанесенный Красной Армией в Сталинграде, успешная операция союзников в Северной Африке, глубокая оценка Сталиным состояния и перспектив борьбы союзников с Германией — все это обостряло интерес в союзных странах к Советскому Союзу, его роли в совместной борьбе против Германии, личному вкладу Сталина в эту борьбу.

28 ноября 1942 г. в крупнейшем зале в Торонто состоялся массовый митинг в ознаменование начала кампании по сбору одного миллиона долларов в «Канадский фонд помощи России в войне».

Главным оратором на митинге был У. Уиллки. Докладчик подробно рассказал о своих впечатлениях о поездке в Советский Союз и дал исключительно высокую оценку Сталину, сформулировавшему цели СССР и союзников в войне.

«Сталин, — сказал Уиллки, — сформулировал ясную... и точную программу, которая предусматривает — уничтожение расо-

вой исключительности, равноправие наций и неприкосновенность их территорий, освобождение поработанных наций и восстановление их суверенных прав, право каждой нации устраиваться по своему желанию, экономическая помощь потерпевшим нациям и содействие им в деле их материального благополучия, восстановление демократических свобод, уничтожение гитлеровского режима».

Дважды прочитав собравшимся это заявление Сталина в его докладе 6 ноября 1942 года, Уиллки сказал: «Я спрашиваю, сможет ли какой-либо гражданин любой великой демократической страны найти в сформулированных Сталиным целях что-либо, против чего можно было бы возражать? Такое определение целей, — подчеркнул Уиллки, — могло бы быть написано Черчиллем или Рузвельтом, однако случилось так, что именно Сталин дал определение целей, за которые мы боремся».

Хотя Сталин говорил о программе действия англо-советско-американской коалиции, сказал далее Уиллки, она, однако, применима ко всему миру. Уиллки призывал канадцев относиться с полным доверием к советскому определению целей войны.

«В демократических странах, — сказал Уиллки, — многие опасались России и не доверяли ей, так как боялись вторжения русского экономического порядка в их собственный строй». Высмеивая подобные взгляды, Уиллки заявил: «Россия не намерена ни съесть нас, ни обольстить».

Разумеется, вся информация о подобных приятных для советского руководства и лично для Сталина выступлениях докладывалась в Москве на самый верх. Причем публикации не только позитивные, но и негативные, в частности, с резко критическими заявлениями в адрес Сталина.

Однако все эти политико-идеологические баталии, реверансы в адрес советского руководителя не имели сколь-нибудь серьезного значения по сравнению с тем фактом, что союзники упорно отказывались выполнять свое главное обязательство — открыть второй фронт в Европе. Сложные проблемы были и с военными поставками Англии и США в Советский Союз.

Когда Черчилль встретился со Сталиным в августе 1942 г., он изложил ему массу военно-технических причин, объяснявших, по его мнению, причину срыва сроков открытия второго фронта.

Однако все же бесспорно, что главное заключалось в том, что руководство и Англии, и США опасалось серьезного укрепления военной мощи Советского Союза в Европе, да и в мировом масштабе, в результате военного разгрома Германии. И чем

дольше, по их мнению, Советский Союз будет сражаться с главными немецкими вооруженными силами, тем больше будут его потери, тем слабее будут советские позиции в послевоенный период.

Абстрагироваться от такого вывода очень сложно, когда знакомишься с документальными материалами, отражающими все перипетии борьбы вокруг открытия второго фронта.

На советско-германском фронте шли ожесточенные бои, союзники еще не открыли второго фронта, а в Лондоне и Вашингтоне глубоко анализировали перспективы послевоенной политики СССР.

1 сентября 1943 г. в еженедельном обзоре военной разведки «СССР — положение, возможности, намерения», подготовленном для президента, говорилось: «Сталин будет бороться за господство в Восточной Европе, он имеет интересы в Иране, в зоне Персидского залива»⁴⁰.

Черчилль особенно активно выступал за то, чтобы всемерно помешать укреплению позиций Советского Союза в Восточной Европе.

Американский автор писал: «Черчилль и англичане стремились пересечь Средиземное море и высадиться в Италии... чтобы получить плацдарм для послевоенной борьбы за политический контроль в Восточной Европе»⁴¹.

Оливер Литтлтон, один из английских министров довоенного времени, писал позднее, что Черчилль «настойчиво обращал внимание на преимущества, которые могут быть получены, если западные союзники, а не русские, освободят и оккупируют некоторые столицы, такие, как Будапешт, Прага, Вена, Варшава, составляющие часть самой основы европейского порядка»⁴².

Английский историк отмечал: «По мере продолжения немецкого наступления на Сталинград общественное мнение Англии все больше склонялось к тому, что союзники опоздают с открытием второго фронта. Было подозрение, что Британия оставила Россию сражаться с Германией, так как английское правительство не хотело, чтобы Россия вышла из войны слишком сильной»⁴³.

Кому что брать в Европе, станет актуальным на довершающем этапе войны. Однако и в период до открытия второго фронта и Черчилль и Рузвельт постоянно имели в виду эту проблему.

Помимо второго фронта, был еще один серьезный вопрос, осложнявший отношения СССР с союзниками, Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Это — проблема военных поставок союзников Советскому Союзу.

Потери морских конвоев, следовавших из Англии в Мурманск, были огромны. Только в июне 1942 г. из 34 судов, шедших в Мур-

манск, 23 были потоплены. Всего за первую половину 1942 г. было потеряно более 4 млн тонн груза. Потери английского флота в личном составе были очень тяжелыми.

Черчилль 18 июня 1942 г. известил правительство СССР о прекращении поставок. Это решение получило полную поддержку за океаном. «В этом вопросе американцы проявили полное понимание. Несколькими днями позже генерал Маршалл заметил, что «нет необходимости нести чрезмерные потери при проводке этих конвоев только ради того, чтобы задобрить Сталина»⁴⁴.

Решение о прекращении военных поставок Советскому Союзу было принято Англией и Соединенными Штатами, как указывалось выше, в период мощного наступления немецкой армии на южном участке советско-германского фронта. Ведя тяжелые оборонительные бои, Красная Армия, неся большие потери, отходила к Сталинграду и в предгорья Кавказа. И в этот напряженнейший момент союзники прекратили военные поставки Советскому Союзу.

Англичан и американцев можно было понять: потери конвоев действительно были огромны. «Это была арифметика отчаяния. Казалось, что вынести такие потери невозможно»⁴⁵.

Однако, так же как и с вопросом о переносе сроков открытия второго фронта, решение союзниками было принято в одностороннем порядке, без согласования с правительством СССР. Советская сторона заявила решительный протест, но ни США, ни Англия своего решения не пересмотрели. Лишь в октябре и ноябре 1942 г. в СССР было направлено два конвоя. К концу 1942 г. согласованная программа поставок в Советский Союз была выполнена всего на 55%⁴⁶.

Черчилль был инициатором и прекращения поставок, и переноса сроков открытия второго фронта, что было, пишет В.Г. Трухановский, «грубейшим нарушением союзнических обязательств перед СССР»⁴⁷.

Позиция Черчилля в этих вопросах была тем более неприглядной, что он прекрасно понимал в сколь трудном положении была Красная Армия в период, когда он принимал решения и по вопросу о втором фронте, и о приостановке посылки конвоев. 4 марта 1942 г., как указывалось выше, показав незаурядный дар военнополитического предвидения, Черчилль сообщал Рузвельту, что весной немцы нанесут России самый страшный удар⁴⁸.

Требую в очередной раз отложить открытие второго фронта, Черчилль явно играл с огнем, проявлял настоящий авантюризм. Дело «в том, что у премьера были серьезные сомнения в способности Советского Союза выдержать страшный удар огромной немецкой военной машины. 27 июля 1942 г., когда на юге СССР развертыва-

лось мощное немецкое наступление, Черчилль информировал Рузвельта, что он допускает возможность того, что «русский фронт не выдержит»⁴⁹. Если на советско-германском фронте была такая угрожающая ситуация, значит, логичным было сделать все возможное для скорейшего открытия второго фронта. У английского премьера была логика чисто политического характера: максимально ослабить Советский Союз в борьбе с Германией и создать таким образом благоприятные для Запада позиции в будущих баталиях с советским союзником после окончания войны.

Выполнение взятых на себя обязательств — важнейшее условие успешного функционирования любого военно-политического союза, особенно в военное время, т.к. за отказ выполнять свои обязательства другая сторона расплачивается самой дорогой ценой — гибелью своих солдат и офицеров, огромными материальными потерями.

Летом 1943 г. США и Великобритания приняли очередное решение о переносе сроков открытия второго фронта, что вызвало незамедлительную и очень резкую реакцию со стороны советского руководства. 11 июня 1943 г. И.В. Сталин писал Рузвельту, что союзники сорвали выполнение своих обязательств и что советское правительство «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»⁵⁰. 24 июня 1943 г. в послании Черчиллю Сталин подчеркивал, что «дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам...»⁵¹.

Это был самый резкий обмен мнениями на высшем уровне по вопросу об открытии второго фронта за весь период войны. Ставя вопрос о доверии к союзникам, Сталин по существу поднимал проблему возможного распада блока союзных держав: какая могла быть коалиция, если нет доверия между ее участниками? Это была качественно новая постановка проблемы за весь период жестких дебатов Сталина с Черчиллем и Рузвельтом по вопросу о сроках открытия второго фронта.

Американская дипломатия была серьезно обеспокоена столь болезненной реакцией советского руководства на срыв сроков открытия второго фронта.

5 июля 1943 г. новый посол США в СССР А. Гарриман сообщал Рузвельту: «Я озадачен телеграммой Сталина (Рузвельту. — *Р.И.*). Единственное объяснение Черчилля сводится к тому, что Сталин хочет, чтобы мы оказались втянутыми в войну в Западной Европе с тем, чтобы помешать нам проникнуть на Балканы. Возможно, это и

правда. Но, с другой стороны, ваше мнение, что он направил эту телеграмму для того, чтобы удовлетворить своих военных советников, я считаю более обоснованным. Мы всегда должны иметь в виду, что выражения Сталина грубые. Я слышал, когда он говорил вещи, которые были бы непростительны среди англосаксов».

Мнение Рузвельта и Гарримана, что Сталин выступал с резким протестом против срыва сроков открытия второго фронта для того, чтобы «удовлетворить своих военных советников», свидетельствовало о том, что американское руководство не имело правильного представления о советских реалиях. Никто из советников Сталина, даже самого высокого уровня, никогда не мог высказать ему никаких претензий, и для Сталина не было никакой необходимости «удовлетворять» их.

Гарриман сообщал, что он позвонил в Лондон советскому послу Майскому накануне отлета последнего в Москву. Майский сообщил, что в Лондоне получен ответ Сталина на телеграмму Черчилля. «Обмен мнениями между Сталиным и Черчиллем не беспокоил его. Майский сказал, смеясь: «Вы знаете, что Сталин резко выражает свои суждения». Он не проявил опасения и по поводу возможности усиления нашего военного влияния на Балканах».

Гарриман четко определял свои взгляды на перспективы развития отношений между США и СССР и оценку Сталиным этой проблемы. «Как вы знаете, — сообщал он, — я убежденный оптимист в вопросе о наших отношениях с Россией, так как я уверен, что Сталин, если это возможно, хочет иметь полное взаимопонимание с вами и Америкой. Он стремится к этому больше, чем к чему-либо другому, не говоря об уничтожении Гитлера. Он видит возможность восстановления России и обеспечения ее безопасности именно в этом, а не в чем-либо другом. Он — человек упрощенных подходов, и хотя Сталин может использовать окольные пути для достижения своих целей, он не уклоняется от выполнения взятых на себя обязательств»⁵².

Было широко известно, что Аверелл Гарриман пользовался расположением Сталина, что явилось важнейшей причиной назначения этого близкого к Рузвельту человека послом в Советском Союзе. Но, как видно из цитированного сообщения Гарримана, он был не самого высокого мнения о советском лидере, который, по мнению посла, был «человек упрощенных подходов».

Советский Союз имел ограниченные возможности протеста против срыва союзниками сроков открытия второго фронта. В редакционной статье канзасская газета как знак протеста против очередного переноса сроков открытия второго фронта рассматривала «объявленное (Советским Союзом. — Р.И.) решение об отзыве дружествен-

ных и компетентных послов из Лондона и Вашингтона». И вновь с тревогой ставился вопрос: а не будет ли следующим шагом со стороны России «заключение сепаратного мира с Германией?»^{52a}

В подобной постановке вопроса сквозила явная тревога в связи с грубейшим нарушением союзниками своих обязательств перед СССР.

Говоря об отзыве советских послов, газета имела в виду, что И.М. Майского в Англии сменил Ф.Т. Гусев, М.М. Литвинова в США — А.А. Громыко. В Соединенных Штатах и в Англии подчеркивалось, что сменили действительно компетентных послов.

О деловых качествах нового советского посла в США показательная информация пришла в НКВД из Разведывательного управления Главного морского штаба Военно-Морского Флота СССР. Автором этой информации был бывший военно-морской атташе СССР в Германии М. Воронцов, на основании информации которого адмирал Кузнецов за несколько часов до нападения Германии на Советский Союз объявил готовность № 1 на трех советских флотах. Капитан I ранга М. Воронцов на бланке начальника разведуправления ВМС СССР писал заместителю НКВД Деканозову: «Зам. министра земледелия США в беседе с нашим сотрудником заявил: “Гарриман, вероятно, останется в Советском Союзе послом вместо Снендли, которым американское правительство не вполне довольно. Гарриман очень удачная кандидатура для посла в СССР. Он человек трезвого ума и прекрасно умеет ладить с людьми. Кроме того, он один из немногих личных друзей Сталина за границей”».

На вопрос, расценивает ли он назначение Гарримана как реванш за назначение Громыко, Заместитель министра ответил: «Возможно, однако наша смена будет более удачной со всех сторон»⁵³.

Действительно, профессиональный уровень нового американского посла был очень высок. Помимо этого, важное значение имело то, что Гарриман был очень близок к президенту США, являлся его доверенным лицом. Существенно было и то, что Гарриман пользовался расположением Сталина.

Высадка союзников в Северной Африке была самой крупной десантной операцией в истории войн. Это была первая стратегическая операция англичан и американцев против Германии. И естественно, что союзники неоднократно возвращались к оценке ее значения в Советском Союзе, в первую очередь они оживленно комментировали мнение Сталина об этой операции, изложенное в его ответах на вопросы американского журналиста Кассиди.

Газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовали на первой странице текст ответов Сталина. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» поместила его ответы под крупными заго-

ловками: «Сталин приветствует новый поворот событий, говорит, что проложен путь для разгрома оси, заявляет, что наступление в Африке показало, что англичане и американцы первоклассные организаторы. Сталин ожидает благоприятного влияния новых событий на положение на русском фронте, Сталин заявляет, что Франция выходит из состояния оцепенения и создана обстановка для наступления в Европе у самого сердца германской империи».

В своих комментариях к ответам Сталина агентство Ассошиэйтед Пресс подчеркивало, что письмо Сталина разбило попытки гитлеровской пропаганды преуменьшить значение африканской кампании^{54–55}.

Из американских комментариев видно, что в США не совсем точно пересказывали смысл ответов Сталина. Во всяком случае, из его ответов не следовало, что он «ожидает благоприятного влияния новых событий на положение на русском фронте».

Более точны были отклики английской прессы. «Таймс» в передовой статье об ответах Сталина на вопросы корреспондента Ассошиэйтед Пресс писала: «Со стратегическим чутьем, которое он постоянно проявлял, и с жестким реализмом Сталин в нескольких фразах разъяснил, что означает для дела конечной победы битва в Средиземном море. Это заявление убедительно и прямолинейно. Когда в своем последнем выступлении в парламенте Черчилль говорил о тяжелом чувстве, вызванном отсутствием второго фронта, в момент, когда русские несут почти невыносимое бремя, он выразил подлинные чувства английского народа. Сталин дал русскому народу ясное понятие об огромных масштабах того, что сейчас происходит в Северной Африке»⁵⁶.

Английский историк М. Китчен, комментируя реакцию общественности Англии на разгром немцев в Сталинградской битве и на высадку союзников в Северной Африке, писал: «Летом 1942 г. Министерство информации (Великобритании. — *Р.И.*) сообщало о растущем нетерпении (в массах народа. — *Р.И.*) в отношении создания второго фронта... Когда в сентябре началась битва за Сталинград, поднялась мощная волна симпатии к Советскому Союзу. Широко распространилось убеждение, что Сталинград падет, если не будут предприняты экстраординарные меры для ослабления давления на русский фронт».

Анализируя отношение англичан к высадке союзников в Северной Африке, Китчен отмечал: «С началом английского наступления в Северной Африке требования открытия второго фронта стали постепенно сходить на нет. Однако все еще было глубокое убеждение, особенно в рабочем классе, что необходимо значительно

улучшить отношения с Советским Союзом. Было огромное восхищение героизмом Красной Армии, который стал символом сопротивления защитников Сталинграда»⁵⁷.

В англо-американских комментариях на высадку союзников в Северной Африке обоснованно подчеркивалось, что они сделали первый серьезный вклад в дело борьбы с общим врагом. Это было убедительным свидетельством жизнеспособности антигитлеровской коалиции. Однако трудно согласиться с мнением английского историка Китчена, что после начала наступления в Северной Африке ослабили требования об открытии второго фронта. Факты не подтверждали такого вывода.

Операция в Северной Африке и последовавшая после нее высадка союзников в Италии не были вторым фронтом. Но это была первая операция союзников, свидетельствовавшая о том, что огромные силы, которые они накопили к концу 1942 г., постепенно втягиваются в активные боевые действия против Германии.

Отклики в США, Англии и в других странах на оценку Сталиным этой операции в ответах на вопросы Кассиди говорили о том, что сотрудничество СССР с союзниками получило важный стимул для своего развития. Об этом свидетельствовали и высказывания руководящих деятелей союзных стран.

19 ноября 1942 г., в день, когда мощной артиллерийской подготовкой началось наступление войск Сталинградского фронта, выступая с речью в Нью-Йорке, Гарриман заявил: «В августе Черчилль направился в Москву, чтобы информировать Сталина о планах, которые обсуждались им с президентом Рузвельтом. Я принимал участие в этих переговорах и могу заверить вас, что они были искренними и откровенными. Легко понять, что Сталин был разочарован невозможностью немедленно предпринять наступление для того, чтобы отвлечь от Красной Армии некоторую часть германских войск, непосредственно наступающих на Сталинград и Волгу». Тем не менее, продолжал Гарриман, Сталин ясно заявил, что русские будут продолжать борьбу с должным мужеством и решимостью. Сталин обладает всеми качествами великого боевого вождя. Он уверен в Красной Армии и в русском народе, и они, безусловно, доверяют ему. Сталин знает, что Гитлера можно уничтожить и что Красная Армия играет ведущую и славную роль в достижении этой цели. Но Сталин придерживается того мнения, что война против Гитлера требует объединенных усилий Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов.

Сталин полагает, говорил Гарриман, что подвиги Красной Армии и количество немцев, которых она уничтожила, дают право русским рассчитывать на нашу помощь. Американские и англий-

ские народы сознают, что мы никогда не сможем в достаточной мере выразить русским наше восхищение их борьбой за общее дело.

Гарриман заявил, что военные поставки СССР будут увеличены.

Я могу сказать с великой уверенностью, продолжал Гарриман, что когда на русском фронте будет произведен последний выстрел из орудия и будет одержана победа, во имя которой мы сражались вместе с русскими до изгнания последнего немца с русской земли, русский народ будет хранить в своих сердцах сознание того, что мы не покинули его.

В советской исторической литературе, во многом под влиянием холодной войны, роль Соединенных Штатов во Второй мировой войне, в частности в оказании СССР помощи по ленд-лизу, в определенной мере недооценивалась.

Однако и сегодня, возвращаясь к проблеме бесконечных переносов союзниками открытия второго фронта, нельзя не признать, что свое главное союзническое обязательство перед СССР Англия и США выполнили с большим опозданием. Советский Союз заплатил за это жизнями сотен тысяч своих солдат и офицеров. Окончание войны было отложено на неопределенно длительный срок.

19 ноября 1942 г. в заключение своей речи в Нью-Йорке Гарриман сказал: «По глубокому убеждению Сталина, в разумно реконструированном мире после окончания войны существующее тесное сотрудничество между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией должно быть еще более расширено»⁵⁸.

Обо всех подобных доброжелательных для СССР выступлениях влиятельных деятелей Англии и США, конечно, докладывали Сталину. Все это приятно было слышать. Однако проблема второго фронта не сдвигалась с мертвой точки.

Об этом, в частности, сообщало посольство СССР в США.

14 августа 1942 г. советник посольства СССР в США А.А. Громыко писал В.М. Молотову, что, «несмотря на требования миллионов об открытии второго фронта в Европе в нынешнем 1942 г., нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к этому». Отметив резкое возрастание военно-экономического потенциала США за последний год-два, А.А. Громыко подчеркивал, что у американского правительства не проявляется готовности «направить главную массу своих ресурсов против Гитлера, как основного и наиболее опасного врага. Правительство США важнейшую массу этих ресурсов направляет против Японии». Автор письма делал прогноз, который полностью оправдался: то же самое «будет и в ближайшем будущем»⁵⁹.

Союзные отношения с СССР не означали, что в США и в Англии изменились взгляды на коммунизм в целом и на компартии этих стран в частности.

Например, в Соединенных Штатах, где традиционно были сильны антикоммунистические настроения, велась тщательная слежка за компартией, несмотря на то что она последовательно выступала за развитие отношений с Советским Союзом — главным союзником США. Спецслужбы США внимательно следили за реакцией компартии на крупнейшие события войны, в частности, на высадку союзников в Северной Африке, а позднее — на Сицилии.

В докладе за август 1943 г. ФБР отмечало, что компартия не расценивает операцию союзников в Сицилии как второй фронт, а только как подготовку к его открытию. Партия в своих материалах «ссылается на недавно опубликованную в “Правде” статью Сталина, в которой Сицилийская операция не рассматривается как второй фронт и отмечается, что США и Англия нарушают свое обязательство о втором фронте»⁶⁰.

В докладе за сентябрь 1943 г. ФБР вновь возвращалось к анализу позиции компартии в вопросе об открытии второго фронта: «Партия не удовлетворится ничем, кроме открытия второго фронта в Западной Европе». Газета компартии «Дейли уорлд» 6 августа отмечала, что шестинедельная кампания на Сицилии «стоила Германии не больше одной дивизии»⁶¹.

Ничего особенного в такой позиции компартии США не было. Аналогичную точку зрения высказывали многие газеты и журналы, политические деятели союзных стран. И тем не менее ФБР считало нужным акцентировать внимание на этой оценке коммунистами операций союзников.

Объединение в антигитлеровской коалиции стран-антиподов породило своеобразную и очень сложную ситуацию. Казалось бы, успехи союзника должны были всемерно приветствоваться всеми участниками коалиции. Однако поражения гитлеровцев на советско-германском фронте вызывали двойственную реакцию в Англии и США. С одной стороны, конечно, хорошо, что Красная Армия добивается больших успехов. Но с другой — как это повлияет на послевоенное устройство мира?

Сталинградская и Курская битвы убедительно доказали, что Советский Союз в состоянии один разгромить гитлеровскую Германию. И раньше в комментариях прессы, в выступлениях общественности немало говорилось о том, что союзники заинтересованы во втором фронте не меньше, чем СССР. После разгрома немцев в Сталинградской и Курской битвах эта аргументация зазвучала чаще и более убедительно.

В докладе разведывательной службы США от 19 февраля 1943 г. выделялся комментарий известного обозревателя Дороти Томпсон,

которая 10 февраля писала, что «на основании всех признаков и предположений Германия должна быть разгромлена в этом году». Она заявила, что «нам следует поторопиться с открытием второго фронта и главным образом не потому, что мы должны помочь Красной Армии сокрушить мощного противника, а потому, что, если мы этого не сделаем, Россия будет доминировать за столом мирных переговоров»⁶².

Один из наиболее талантливых американских военных обозревателей Макс Вернер писал в своей книге в 1942 г., что «необходимо ясно представлять военное значение второго фронта». Могут быть десятки фронтов вне России, писал Вернер, — в Тунисе, Бирме, в других местах. Но «второй фронт не означает совокупность нескольких фронтов. Его наличие определяется тем, выполняет ли он свои стратегические функции. Он должен быть стратегическим эквивалентом русскому наступлению»⁶³. Обозреватель с полным основанием заканчивал свою книгу словами: «Сегодня второй фронт в Европе не является больше проблемой — это оперативная задача»⁶⁴.

Вопрос о необходимости открытия второго фронта был понятен не только для журналистов, эта истина была очевидна и для руководства союзных стран. Об этом убедительно свидетельствовала реакция в Англии, США, — во всем мире на разгром немцев под Сталинградом.